

**ПЕХЛЕВИЙСКИЕ
ОРИЕНТИРЫ ЭТИЧЕСКИХ НОРМ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
И ЖУРНАЛИСТИКИ**

**ТАЪСИРИ
МЕЪЁРҶОИ АХЛОҚИИ
ПАҲЛАВӢ БА АДАБИЁТ ВА
ЖУРНАЛИСТИКАИ МИЛЛӢ**

**PAHLEVI
LANDSCAPES OF ETHICAL
STANDARDS OF DOMESTIC
LITERATURE AND JOURNALISM**

Афсаҳзод Аббоси Аълоҳон, к.ф.н., доцент кафедры печатных СМИ и PR Российско-Таджикского славянского университета (Таджикистан, Душанбе)

Афсаҳзод Аббоси Аълоҳон, н.и.ф., дотсент кафедраи матбуот ва алоқа бо ҷомеаи Доносигоҳи славянии Россия ва Тоҷикистон (Тоҷикистон, Душанбе)

Afsahzod Abbosi A'lokhon, candidate of philological science, Associate Professor of department of print media and PR Russian-Tajik Slavonic University (Tajikistan, Dushanbe), E-mail: afsahzod0505@mail.ru

Ключевые слова: древняя литература, культурное наследие, письмена, пехлевийские книги, назидание, национальная идентичность, этика, прикладная философия, мораль, литературоведение, языкознание, культурология, историография

В статье рассматриваются пехлевийские книги назиданий и степень их влияния на творческую деятельность отечественных литераторов и журналистов. Вопреки всем историческим перипетиям, гнету, насилию, игу и истреблению как народа, так и его святынь, ценностей, удалось не только сохранить, но и передать своим потомкам суть вечной, востребованной гуманной нравственности, ставшей образцом подражания для многих и многих народов мира, основу которой составляет письменное наследие, берущее свое начало с древнейших времен. Обращается внимание на то, что большинство этих сохранившихся произведений следует рассматривать с двух позиций — этико-литературной (дидактической) и лингвистической, что позволит отдельно остановиться на исследовании некоторых особенностей элементов художественного мышления. Классифицируя книги пехлевийского периода по их направленности, автор отдельно рассматривает особенности назидания-андарза и книги назиданий-андарзнаме в контексте устоявшихся морально-этических норм общества, в том числе журналистов республики. Автором подчеркивается, что в древнеперсидских назиданиях в основном используются две смысловые нагрузки: информировать (напомнить и указать) и предписать или директировать, что, в свою очередь, представляет большой интерес. Причем, как показывает анализ, при структурировании «назидания» активно и достаточно умело применяются литературные приемы.

Вожаҳои калидӣ: адабиёти бостонӣ, мероси фарҳангӣ, катибаҳо, китобҳои паҳлавӣ, андарз, ҳувияти миллӣ, ахлоқ, фалсафаи амалӣ, ахлоқ, адабиётшиносӣ, забонишиносӣ, фарҳангшиносӣ, таърихнигорӣ

Дар мақола андарзномаҳои паҳлавӣ ва дараҷаи таъсири онҳо ба фаъолияти эҷодии адибон ва рӯзноманигорони ватанӣ сухан меравад. Тазаққур меравад, ки сарфи назар аз ҳама печу тобҳои таърихӣ, зулм, зӯроварӣ, юг ва несту нобуд кардани ҳам халқ ва ҳам муқаддасоту арзишҳои ӯ, муяссар шуд моҳияти ахлоқи ҷовидонаи инсонии ҳеширо, ки яке аз рукнуҳои боғтимоди асоси мероси хаттии аз умқи таърих сарчашмагирандари ташиқил медиҳад, на танҳо нигоҳ дорад, балки ба ворисони худ ба мерос гузошта, намунаи ибрату пайравиву пайгириши аксари мардуми олам созад. Равшан аст, ки аксари ин осори боқимондари боистӣ аз ду мавқеъ ахлоқиву адабӣ (дидактикӣ) ва забонишиносӣ баррасӣ гардида, дар мавриди таҳқиқи баъзе хасоиси аносири тафакқури бадеӣ мустақиман тавачҷуҳ зоҳир намуд. Муаллиф китобҳои давраи паҳлавиро аз рӯи тамоюлашон тасниф намуда, махсусияти андарза ва андарзнамҳоро дар мизони таъсир ба меъёрҳои муқарраришудаи ахлоқии ҷомеа ва бахусус фаъолияти эҷодии қалакашонии ҷумҳури мустақиман мавриди назар қарор додааст. Таъкид мешавад, ки дар панду андарзҳои бостонӣ ду ҷанбаи маъноӣ - хабар додан (ёдоварӣ ва нишон додан) ва таъйин ё дастур додан умдатан истифода шудааст, ки дар навбати худ хеле ҷолиб ба назар мерасад. Гузошта аз ин, ҷунон ки таҳлил нишон дод, дар

сохтори «андарз (панд)» усулҳои адаби фаъолонаву ниҳоят моҳирона истифодаву корбаст шудаанд.

Key words: ancient literature, cultural heritage, writings, Pahlavi books, edification, national identity, ethics, applied philosophy, morality, literary criticism, linguistics, cultural studies, historiography

The article dwells on Pahlavi books of edification and the degree of their influence on the creative activity of native writers and journalists. Despite all the historical upheavals, oppression, violence, yoke and extermination of both the people and its shrines and values, it was possible not only to preserve, but also to pass on to their descendants the essence of the eternal demanded humane morality, which has become a role model for many, many peoples of the world, the basis which constitute the written heritage, originating from ancient times. Obviously, most of these surviving works should be considered from two positions - ethical-literary (didactic), and linguistic sides, where one can dwell separately on the study of some features of the elements of artistic thinking. Classifying the books of Pahlavi period according to their focus, the author separately considers the features of edification-andarza and the book of edification-andarznam in the context of the established moral and ethical standards of society and, in particular, journalists of the republic. The author emphasizes that in the ancient Persian edifications, two semantic loads are mainly used: to inform (remind and indicate) and to prescribe or guide, which in turn is very interesting. Moreover, as the analysis shows, literary techniques are actively and quite skillful.

Современная таджикская журналистика сложилась в советское время и охватила все слои общества, четко отражая политику времени, и в ней по-прежнему доминирует национальный менталитет и стремление не выходить за рамки естественной и уважительно сложенной морали социума, формировавшейся на протяжении тысячелетий. Основу этого типа общения можно найти в религиозно-культурных требованиях, гуманных и красивых обычаях, традициях, поведенческих началах, ценностях культурного, материального и нематериального характера, а также в их умелом и динамичном продвижении. Вопреки всем историческим перипетиям, гнету, насилию, игу и истреблению как народа, так и его святынь и ценностей, удалось не только сохранить, но и передать своим потомкам суть вечной, востребованной гуманной нравственности, ставшей образцом подражания для многих и многих народов мира.

Одним из основных столпов этой морали является древняя литература, которая процветала на исторической земле Ирана, оказав в последующем глубокое влияние на мировую культуру, литературу, морально-эстетические ценности, став не только предметом гордости, но и еще более бережного отношения ее носителей.

Древнеиранская литература, как одна из древнейших ветвей мировой литературы, внесла значительный вклад в ее развитие и эволюцию, сохранив до наших дней достаточно богатое литературное наследие. Она, в свою очередь, делится на несколько периодов, которые, наряду с их прочной связью друг с другом, также могут быть представлены и оценены как самостоятельные литературы. Многие исследователи делят ее на три периода: 1) древнейший период (мидийская и ахеменидская литература – с самого раннего периода до 331 г. до н.э.), 2) период относительного упадка (ашканидская литература - с 331 г. до н.э. по 226 г. н.э.) и 3) литература среднего периода (пехлевийская, согдийская, хутанская, балхская и хорезмийская литература - с 226 г. н.э. по 650 г. н.э.) [2, с.3].

Прочная внутренняя связь этой литературы, создававшаяся на мидийском, согдийском, хорезмийском, бактрийском, тахарском, хутанском, балхском, партийском или сакском, пехлевийском, персидском языках, представила реальную почву для определения обоснованной хронологии развития, а также выделения этапов развития языка. Так, Ахмади Тафаззули разделил его на три периода: «С исторической точки зрения иранские языки делятся на три основные группы: древние языки, языки среднего периода и современные языки» [6, с.11].

Древняя литература тематически достаточно многогранна, обширна и разнообразна. В этой связи таджикский ученый А. Сатторзода подчеркивает: «Об этом свидетельствуют источники последующих веков и сохранившиеся оригинальные письма того периода. Хотя большая часть этого наследия имеет религиозное, научное, этическое и политическое содержание, есть отрывки и фрагменты, указывающие на элементы художественной литературы. В контексте прозаических и поэтических религиозных, философских, научных, политических и этических произведений, а также в форме мифов и мифологических поэм наличие литературных отступлений было естественным явлением, свидетельствующем об одной из присущих античной литературе черт – синкретизме (сочетании действия, мелодии и речи)» [5, с.6].

Сохранившиеся письменные памятники древней литературы в основном включают в себя вопросы литературы («Дарахти Асуриг (Древо Асурига)», «Ёдгори Зарирон (Память о

Зарире)”, “Джомосбнома”, “Андарзи Бехдоди Фаррухпирӯз (Назидание Бехдода Фаррухпируза)”, “Суруди оташкадаи Каркӯй (Песнь храма огня Каркуя)”, сагдийский сказ о Рустаме, рассказы “Бӯзина ва рӯбох (Обезьяна и лиса)”, “Мохии пири кар (Старая глухая рыба)”, языкознания (“Чанд вожаи “Озарбади Махраспандон” (Несколько слов из «Азарбади Махраспандон»», “Бисту ду вожа аз Озарбади Махраспандон(Двадцать два слова из «Азарбади Махраспандон»)), лексикографии («Фарханги пахлави” (Пехлевийская лексикография), эпистолярных жанров («Ойни номанависи (Правила письмаписания), «Номаҳои Анушервон» (Письма АнушERVана)), эпика («Худайнаме», «Достони (поэма) Шарвини Даштбаи»), истории («Деяния Ардашера Бабакана», «Рисолаи Ардашер дар ойини кишвардори” (Трактат Ардашера об управлении государством), географии («Шахристонҳои Эрон» (Города Ирана), «Шигифти ва шоистагии Систон” (Чудеса и достоинства Систана), летоисчислений («Рисолаи рӯзо” (Трактат о днях), “Мохи Фарвардин, рӯзи Хурдод” (Месяц Фарвардин, Хурдодов день), астрономии («Зиджи шахриёрон («Зиджи шахриёрон» (Пстрономическая таблица правителей), «Визиндак», «Тангалуш»), религии («Авасто», «Занд», «Позанд», «Динкард», «Бундахишн», «Зодиспарам», “Додистони дини” (Религиозное судейство), философии (“Номаи Тансар” “Ардовирофнома”, “Занд Вахман ясн”, “Джомосбнаме”, “Шиканд гумоник визор”, “Пуси дониш комаг”, “Гуджастаг Аболиш”), медицины, права (“Шоисту ношоист” (О дозволенном и недозволенном), “Мутаммиши шоисту ношоист” (Предел дозволенного и недозволенного) и др. Однако очевидно и то, что большинство этих сохранившихся произведений следует рассматривать с двух позиций — этико-литературной (дидактической) и лингвистической, что дает возможность отдельно остановиться на исследовании некоторых особенностей элементов художественного мышления. В частности, особое значение имеет изучение литературных терминов и их сопоставление с персидским языком, где они собраны и обобщены. «Вся пехлевийская литература, дошедшая до нас, — пишет таджикский ученый Д. Саймидинов, - разделена, как персидскими, так и зарубежными учеными, на три группы. Эта классификация основана на ранних исследованиях, в том числе на исследовании Дастура Пешотана Санджана и Э.Уэста,: 1) пехлевийские переводы Авесты; 2) религиозные книги и тексты; 3) пехлевийские нерелигиозные тексты. Э. Уэст, определив количество этих произведений, в том числе приводит и численность слов в каждом из них таким образом: пехлевийские переводы Авесты – 27 трактатов и текстов (141 000 слов); религиозные книги и тексты – 55 трактатов и текстов (446 000 слов); нерелигиозные пехлевийские тексты – 11 трактатов и текстов (41 000 слов)» [4, с.20].

Некоторые ученые, в частности И.М. Оранский, сохранив наследие данного периода, рассматривают ее с точки зрения содержательности и делят на религиозную и нерелигиозную [3, с.172], что, на наш взгляд, более предпочтительнее и продуктивнее.

Древняя литература основана на рассказах и легендах мудрецов и почитаемых предков («Хазор афсона (Тысяча сказок)», «Синдбаднаме», «Булухар и Бузосаф», «Калила и Димна», «Тутинаме»), героике и эпосах об иранских правителях, героях, силачах, пехлевийских стихах и песнях, трактатах о правилах эпистолярных жанров, риторики и красноречии («Сарсухан»), пехлевийских книгах назиданий.

Одной из важнейших составляющих пехлевийской литературы является этика, которая в таджикско-персидской литературе, как свидетельствует письменное наследие, имеет более чем 2500-летнюю историю прямого соприкосновения, толкования и применения. Первые примеры этических наставлений-назиданий встречаются в «Гатах (песнопения)» «Авесты», которые по смысловой нагрузке являются религиозными наставлениями-предписаниями. Позже традиция составления трактатов-наставлений широкую популярность приобрела при дворе Сасанидов (224-661), в частности трактаты Хосрова Парвиза (531-579), известного как Праведный Ануширван – Анушервони Одил. Ярким и убедительным историческим свидетельством сказанному могут служить два известных сохранившихся до наших дней трактата данного периода: «Андарзномаки Анушервон» (Книга назиданий Ануширвана) и «Пандномаки Бузургмехр» (Книга наставлений Бузургмехра).

Известно, что «Андарзнома», синонимами которой являются «панднома» и «насихатнома», в таджикско-персидской литературе является общим названием сочинений и книг назиданий, мудростей, свода пословиц, поговорок, афоризмов и изречений морально-этического и религиозного характера. «Андарз», «панд» и «насихат» означают назидание, нравоучение, мудрость и совет, «нома» - «книга» и «писание».

Лексема «андарз» в древнеперсидском языке имеет форму «ham-darza», а в пехлевийском видоизменилась в «handarz», что означает «объединяться вместе; согласовываться». Это слова правителей и министров для людей двора и народа, судей и ученых – для людей науки,

священников или монахов – для их последователей и отцов – для их детей, сутью которых являются их намерения, совершение определенных нравственных праведных и воздержание от установленных аморальных поступков. Андарз выводится из опыта и тесно связан с жизненной практикой, другими словами, – это правильный вывод и понимание события, явления, процесса.

Основная цель наставления состоит в том, чтобы научить слушателя некой практической мудрости, из которой наставление складывается как нравственность. Общеизвестно, что наука этика есть изучение и определение ценности человеческих поступков по нравственному принципу, в котором проверяются признаки добра и зла или достоинства и недостатки человеческих поступков. Другими словами, мораль имеет дело с ценностью человеческого поведения.

Слово «панд» в средне- и новоперсидском принимает форму «panti» и означает «путь», а в аллегорическом, переносном «назидать; наставлять; увещевать» и в таджикско-персидских словарях толкуется как «указывать путь и направление».

Словосочетание «панду андарз» напрямую связано со словом «фарханг-культура», которое означает и предполагает «обучение и воспитание» и напрямую направлена на «примерное поведение». Существует также смысловое сходство между словами «андарз», «панд» и «оин (обряд, традиция, правила)».

Основу «назиданий» составляют результаты практики прошлого (события, явления, процесса), и в силу изучения и анализа содержания, повторения и соответствующего реагирования представляют и предполагают наиболее вероятный финал. С этой точки зрения в древнеперсидских назиданиях в основном используются две смысловые нагрузки: информировать (напомнить и указать) и предписать или директировать, что в свою очередь очень интересно. Причем, как показывает анализ, при структурировании «назидания» активно и достаточно умело применяются литературные приемы, в частности: игра слов, ирония, метафора, метонимия, эпитет, синекдоха, олицетворение, сравнение и т.д.

В связи с этими элементами художественной мысли, сформировавшимися в литературе древнего Ирана, французский востоковед Шарль де Фушакур назвал андарзы и андарзнаме «первоначальными формами этических книг на персидском языке» [7, с.17]. По мнению ученого, «первоначальную форму» хронологически относят к образцам X и XI веков, с чем нельзя согласиться, так как в сохранившихся сочинениях VI и VIII веков, условно именуемых пехлевийской литературой, и в более чем двадцати сохранившихся одноименных этических трактатах этого периода имеются примеры наставлений-андарзов, подтверждающих древность такой формы литературных произведений. Другими словами, пехлевийские андарзы являются неотъемлемой частью древнего периода персидской литературы. В другом месте Шарль де Фушакур еще раз формулирует это так: «С другой стороны, эту литературную форму можно считать «первичной», так как она не основана на теоретических концепциях, а опирается на этические основы..., которые воздействуют на социальную сферу жизни общества» [7, с.17], что, безусловно, верно.

Этика, как свидетельствуют древнеперсидские книги назиданий – андарзнаме, издревле была частью практической философии – хикмати амали. Некоторые мусульманские ученые предполагают, что развитие науки о практической философии связано с исламским периодом литературы, приводя в качестве примера «Аль-Хикмат-уль-халида» Ибн Мискавайха. Следует отметить, что эта работа Ибн Мискавайха является переводом пехлевийской андарзнаме «Джовидон хирад» (Вечная мудрость), и, к тому же, происхождение самого автора персидское. В этой связи считаем данную мысль ошибочной, ибо в абсолютном большинстве древние пехлевийские одноименные произведения написаны на основе опыта и видения того времени и свидетельствуют о характере, специфике, развитии и продвижении науки о практической философии в этот исторический период. И это неоспоримый аргумент в пользу того, что пехлевийская, т.е. персидская наука о практической философии, повлияла на арабскую литературу, в частности на литературу Аббасидского периода, когда было переведено на арабский язык огромное количество пехлевийских произведений, в том числе андарзнаме. Другим доводом следует считать то, что наиболее важным компонентом наследия на пехлеви является ее этическая составляющая, которая убедительно доказывает, что хикмат – наука о мудрости, хикмати амали – практическая философия в Иранвике была на пике своего рассвета.

Этика в таджикско-персидской культуре — это наука, целью которой является выявление «источника ценностей и выражение путей познания и постижения добродетелей и отказа от пороков». Другими словами — это наука о добре и зле, а также изучение поведения человека

или группы людей и их классификация, конечной целью которой является переориентация человека посредством мудрой мысли в лучшую сторону, т.е. к добрым и праведным мыслям и делам.

Этика опирается на два столпа: первый – персональная оценка критериев добра и зла, которая проверяется практическим методом по отношению к чему-либо; второй зиждется на исследовании способов и форм поведения, известных как «поведенческие традиции» культурной, социальной, философской или даже религиозной группы.

Великий таджикский мыслитель Насируддин Туси в начале своего ценнейшего трактата «Ахлоки Носири» (Этика Насири), опираясь на учения своих предшественников, выделил в науке о мудрости – хикмат два раздела: а) теоретический и б) практический. Первый согласно предмету дискута переплетается с осознанной волей индивида и неразрывно связан с метафизикой, математикой, логикой и философией. Второй предметно самостоятелен и независим от осмысленной воли человека, это «наука, суть которой опирается на результат волеизъявления человека и профессиональное поведение в той степени, чтоб скомпоновал их и довел до совершенства». Иными словами, практическая философия — это разновидность этики, которая рассуждает о том, что в наших силах и в нашей воле, где основу составляет опыт. С этой точки зрения специалисты делят ее на три части:

Первая часть называется тазхиби ахлок – нравственное воспитание, которая связана с самим индивидом. Она также известна как «пероиши хўй – облагораживание нрава», которая ограничивается одним человеком и направлена на воспитание одного человека, т.е. нравственное воспитание индивида.

Вторая часть называется тадбири манзил – жилищные меры, ибо она «касается личности в плане участия в жилище (т.е. – семье)», где формируется поведенческое правило между членами семьи (супругой и детьми) и родственниками.

Третья часть, закладывающая основу отношений человека с обществом и включающая социальные и политические вопросы, называется сиёсати мудун – политика градоуправления, которая тождественна «госуправлению» и «народоуправлению».

Многие пехлевийские книги назиданий сосредоточены на первой части, а именно на воспитании души или индивидуального поведения, хотя, как видится, андарзы присутствуют и в двух других частях практической философии.

В пехлевийских книгах назиданий-андарзнаме центральное место занимают общечеловеческие ценности, такие как поощрение просвещения, знаний, сочувствие и сострадание, дружба и любовь, доброта и сердечность, которые по своей сути направлены на человеческое счастье. Основная задача наставления – воспитание и продвижение благой нравственности.

Следует отметить, что сохранившиеся пехлевийские этические произведения можно разделить на две группы: а) произведения, дошедшие непосредственно на пехлевийском языке, т.е. в исходном тексте, и б) произведения, переведенные с пехлеви на арабский язык, оригиналы которых из-за исторических перипетий ушли в небытие и затем были переведены с арабского языка на таджикско-персидский.

Согласно свидетельству исследователей роль и место назиданий в Сасанидский период было настолько велико, что их гравировали на коронах царей, пластинах, краях полов, письменах, серебряных и золотых изделиях и сосудах. Автор «Мурудж-аз-заххаб ва маадин ал-джавхар» (Золотые копи и россыпи самоцветов) также подчеркивал, что персы уделяли особое внимание наставлениям, записывая свои выдающиеся наставления на посуде, включая кубки и бокалы, кувшины и царские короны [8, с.204].

Древнейшие образцы андарзов на согдийском языке встречаются «Бариш-наске» «Гатах» «Авесты», которые в основном религиозного характера и имеют воспитательную направленность. Опираясь на сохранившиеся письменное наследие этического характера и их содержание, ученые разделили пехлевийские назидания на две группы: религиозные и светские. В первую группу входят, как уже упоминалось, «Гаты» «Авесты», религиозные трактаты «Динкард» (Деяния веры) и «Бундахишн» (Сотворение основы), а также «Минуи хирад» (Прообраз разума). К светским – художественная и дидактическая литература. Главную роль в таких произведениях играют сказки, притчи, рассказы, мифы, краткие изречения, в которых больше метафор, аллегории, иносказаний.

Следует отметить, что со временем андарзы были включены в разряд обязательных учебно-образовательных пособий. Возможно поэтому лингвисты все еще не пришли к определенному выводу по вопросу фонетической записи андарзов. Сохранившиеся пехлевийские андарзы,

числящиеся в литературе как трактаты, неравномерны. Например, от трактата «Доруи хурсанди» (Средство радости) осталось всего несколько андарзов, объем которых не превышает половины страницы. В целом нравоучительные пехлевийские трактаты имеют небольшой объем, наиболее объемным из которых является шестая книга «Динкарда», насчитывающая более ста страниц.

Еще один момент, который следует отметить, заключается в том, что большинство пехлевийских трактатов не имеет названий, и, по словам Ахмада Тафаззули, «нынешние названия были даны им писцами и переписчиками или комментаторами, а некоторые не предполагают никаких наречений, такие, которые перенесены в пехлевийские письма и принадлежат царям, вельможам и духовенству» [6, с.181].

Пехлевийские андарзы написаны простым и доступным языком, целенаправленны, экспрессивны, плавны и ритмичны. Чаще выражаются краткими лаконичными предложениями, которые быстро и легко запоминаются. В основном их суть ясна, хотя наблюдается и использование ихама (аллегория, вызывающая сомнение), что «присуще природе такой литературы» [6,с.181]. В некоторых случаях наблюдается использование образного языка, воплощающего символизм и иронию.

Некоторые андарзы написаны в виде вопросов и ответов, напоминающих короткие диалоги. Для украшения наставлений с точки зрения выразительности иногда используются рифма, баланс, смысловые пропорции и равное расположение слов и, главное, литературные приемы и художественные средства, свидетельствующие о знании науки о красоте – эстетике. Это и послужило подспорьем мастерам поэтического слова перенести андарзы в поэзию, и сегодня можно с гордостью свидетельствовать о чисто поэтических пехлевийских книгах назиданий – андарзнаме.

Андарз был основным средством образования, и «в период Сасанидов андарз назывался «андарзбуд». Древние андарзы, - пишет таджикский ученый Аълохон Афсахзод, - не утратили и в наше время своей духовной ценности и значения, как мудрые нравственные наставления» [1, с.154].

Одной из основных проблем книг назиданий является определение их авторства и времени написания, «потому что одни из них связаны с историческими личностями — зороастрийскими царями и вельможами сасанидского периода, другие — с мифическими царями и визирями, такими как Джамшед, Ушнари Доно (визирь Кайковуса), Саена (легендарный мудрец, якобы живший во времена правления древних царей Ирана). Возможно, что эти книги назиданий-андарзнаме были составлены в Сасанидский период, их связь с именами древних царей и мудрецов указывает на то, что уже до Сасанидов были сборники и наставлений, и назиданий» [1,с.154].

Пехлевийские андарзнаме условно можно рассматривать как сборник, так как подавляющее большинство из них не в состоянии выполнить положения трактата. Они неоднократно публиковались отдельными сборниками или пехлевийскими текстами в Индии, Иране, Афганистане, Таджикистане, России, Германии, Франции, Египте и других странах мира и получили широкую известность именно благодаря своим исконным целям и предназначению, внесли ощутимый вклад в укрепление морально-эстетических ценностей гуманистического характера, умело и к месту используются здравомыслящими людьми, став мощным орудием убеждения для философов, литераторов, ученых и особенно журналистов. Очень простое и центральное доказательство этого можно увидеть в сущности религиозного учения древнего Ирана – «Добрые мысли, добрые слова и добрые дела», которые подсознательно устанавливаются как источник журналистской этики и применяются на практике.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Афсахзод, А. Андарз//А.Афсахзод/Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик. –Душанбе: Сарредаксияи илмӣи ЭСТ, 1988. Ҷ. 1. –543 с.
2. Исрофилини, Ш. Адабиёти бостон/Ш.Исрофилини. –Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 352с.
3. Оранский, И. М. Введение в иранскую филологию/И.М.Оранский. –М., 1988. –389 с.
4. Саймиддинов, Д. Адабиёти пахлави/Д.Саймиддинов. -Душанбе: Пайванд, 2003. – 232 с.
5. Сатторзода, А. Адабиёти тоҷик (китоби дарси барои синфи 8)/А.Сатторзода. –Душанбе: “АВА”, 2009. –288 с.
6. Тафаззули,Ахмад.Таърихи адабиёти Эрон пеш аз ислом/Т.Ахмад.–Техрон:Сухан,1376.– 452 с.
7. Хонре де Фишакур. Ахлокиёт. Техрон -1998. –627 с.
8. Хусайни, Масъуди. Муручу-з-захаб ва маъодину-л -чавхар, Техрон, ч. 2. Б/т. – 1500 с.

REFERENCES:

1. Afsahzod, A. Edification // Encyclopedia of Tajik literature and art. – Dushanbe: The main scientific edition of the Tajik Soviet Encyclopedia, 1988. V.1. - 543 p.
2. Isrofilnie, Sh. Ancient Literature. – Dushanbe: ER-Graph, 2019. - 352 p.
3. Oransky, I. M. Introduction to Iranian Philology. - M., 1988. – 389 p.
4. Saimiddinov, D. Pahlavi literature. - Dushanbe: Payvand, 2003. – 232 p.
5. Sattorzoda, Abdunabi. Tajik literature (textbook for grade 8). - Dushanbe: AVA, 2009. – 288 p.
6. Tafazzuli Ahmad. Literary history of Iran before Islam. – Tehron: Sukhan, 1376. - 452 p.
7. Henri de Fouhecour. Moralia. Tehron -1998. - 627 p.
8. Husaini, Masudi. Golden springs and treasuries of pearls, Tekhron, V. 2. No year of publication – 1500 p.